

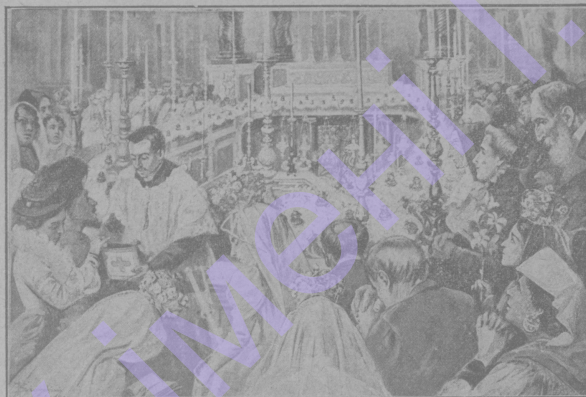
№ 6265.

Воскресенье, 28-го марта 1904 г.

№ 6265.

Освященіе пасокъ и куличей у Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ.

Пасха въ Римѣ.—Въ соборѣ св. Петра.

CUPIO DISSOLVI.

Станислава Пшибышевскаго.

(Оковчаніе *).

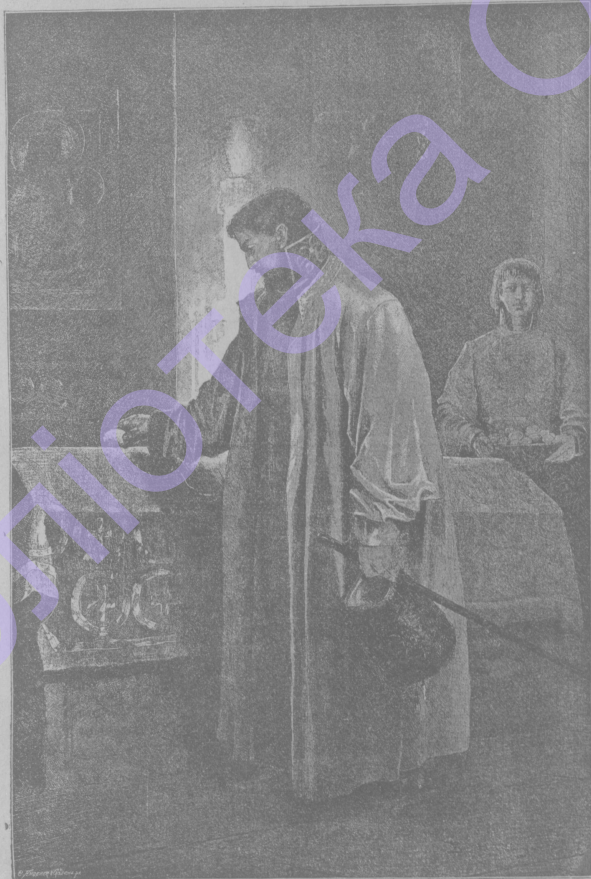
А, вѣдь, кто, какъ не онъ, былъ болѣе достоинъ счастья. Кому, какъ не ему имен-
*) См. Ил. Пр., "Од. Н." № 6258.

но,—оно и должно было принадлежать.
Вѣдь все горе, какое только могла вынести человеческая природа, онъ вынесъ для того, чтобы добиться наконецъ этого счастья.
А она... о, она была тогда ангеломъ. Въ яркой коронѣ золотистыхъ волосъ она

казалась только что сошедшей съ неба, съ того неба, съ котораго лились на ея голову долгіе потоки золотыхъ лучей.
Какъ Голговою, освѣщенный своей любовью, весь въ волнахъ ея—аромата, освѣщенный пламенемъ дорогого блаженства, къ тебѣ онъ стремился, тебя жаждалъ познать

—святое преддверіе великаго храма счастья, любви!

Онъ мнилъ, что, сокрушивъ ея любовью само небо, онъ изъ обломковъ его создастъ себѣ царственный тронъ и, возставъ на немъ, будетъ поирать своими ногами землю, а жалкіе люди будутъ лобзать его

Христосованіе царя съ прахомъ пр. дковъ.

Всѣмъ по яичку!

На Пасхѣ въ терему.

ноги и боязливо подбирать крохи отъ его милостей...

Онъ мнилъ, что все это дастъ ему ея любовь.

Случилось не такъ...

Великій Богъ, куда же скрылась та волшебная сила, что когда то побѣдила ее: вѣтъ больше этой силы, она исчезла въ туманномъ далекѣ... И потеряна навсегда та, которую онъ такъ любилъ...

Онъ вдругъ почувствовалъ необходимость вымолвить это роковое слово вслухъ, громко, чтобы понять наконецъ весь его смыслъ... И не разъ, не два его вымолвить, а нѣсколько разъ.

Ему казалось, что только тогда, когда это слово ясно и громко прозвучитъ, — только тогда онъ постигаетъ все.

Онъ почувствовалъ все это, и, тѣмъ же мѣждъ, роковое слово всетаки не срывалось съ его устъ; у него не было силъ переступить, наконецъ, ту грань, за которой все уже ясно.

Онъ подошелъ къ фанарю и склонился измученной головою къ столбу. Холодъ чужда обжегъ его, и въ это же мгновение онъ ощутилъ, какъ внутри его, на дѣл его души вдругъ всыхнула иркое, острое пламя, освѣтившее ему все, словно отблескъ багряной зари, загорѣвшейся на небѣ.

Первые шаги... къ яичку.

Онъ отшатнулся отъ фанаря и вышелъ на самую середину улицы. Онъ чувствовалъ, что въ мозгу его складывается какое-то огромное, необъяснимое рѣшеніе.

Рѣшеніе — бѣжать, бѣжать, не теряя ни

одного мгновенья, на первомъ же попавшемся побѣдѣ.

О! тогда она навѣрное устремится въ погоню за нимъ... да, да! въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній...

Ну, а гдѣ она его нагонитъ, тамъ онъ

Приготовленіе красныхъ яичекъ.

и побѣдитъ ее снова...

Онъ возьметъ тогда ее на руки, и поцелуетъ ее, и покажетъ всей вселенной; за тѣмъ, какъ взрывъ пѣсь, ляжетъ у ногъ ея и покроетъ ихъ горячими лобзаниями...

И въ то же мгновенье, какъ его озарила эта мысль, онъ снова почувствовалъ, что ея уже нѣтъ, и понялъ, что лучшая часть ея сердца вырвала, что — нѣтъ ея — не существуетъ и онъ. И получилось ему что земля разверзается у его ногъ, а небо надъ головою уходитъ все выше и выше и исчезаетъ въ безконечности...

А за этой мыслью — снова надежда — найти ее, вернуть... да — вернуть...

Звѣзды догорали...

И вотъ онъ, какъ стрѣла, только что выпущенная изъ лука, устремился въ погоню за побѣдомъ.

Туда и сюда мегался онъ въ густой толпѣ людей, толкалъ ихъ, билъ, чувствовалъ, что и самого его тоже бьютъ, и все время слышалъ, что, не отставая ни на шагъ отъ него, за нимъ гонится какое-то мрачное, ужасное чудовище...

Онъ пробѣжалъ уже весь городъ, пробѣжалъ предместья, и ему кажется теперь, что онъ уже видитъ красный глазъ локомотива, видитъ, какъ подмигиваетъ ему этотъ глазъ, похожій на какое-то странное, адское видѣніе, съ каждымъ мгновеньемъ все приближаясь къ нему... А сзади какой-то засаженный голосъ съ вѣдмьмъ сарказмомъ все твердитъ: напрасно... напрасно... напрасно...

Но онъ не въ салатъ оставившись, ногъ

Свѣтлое Христова Воскресеніе въ Малой Азіи. — Въ православномъ храмѣ.

Пасхальныя игры въ Румыніи.

За расширяемъ яицъ.

его обрѣли волшебную мощь, и онъ летать все вперед и вперед, почти не касаясь земли.

Сознаніе давно уже оставило его...

Но—странно—онъ безумно счастливъ.

Какой-то вихрь воцарился въ его мозгу, и мысли его то давили туманной тучей, то свивались въ какой-то клубокъ, то разви-

крутятся, словно дѣти въ веселые дѣя жатвы среди хоровода взрослыхъ.

Весь міръ утонулъ въ этой дикой вакханаліи.

Въ безконечную темную ленту слились все строенія, встрѣчавшіяся ему по дорогѣ; деревья, подобно волчкамъ, вертелись вокругъ самихъ себя, а земля то словно покрывала его, точно шатромъ, то вновь разстилалась широкой долиной, дрожала и волновалась.

Онъ упалъ, но мигомъ вскочилъ на ноги и снова побѣжалъ.—упалъ опять и, снова вскочивъ, устремился впередъ; и снова падалъ, и снова бѣжалъ... Въ эти мгновенія мозгъ его обнималъ всю вселенную и въ то же время что-то жгло его, словно раскаленнымъ желѣзомъ... Ему казалось, что весь міръ рушится и все вокругъ полно грохота распадающейся вселенной... Ему казалось, что огненное кольцо сгивается все тѣнѣе, и вотъ-вотъ оно такъ славятъ собою все, что одинъ изъ міровъ разлетится въ оеволки, и затопитъ остальные міры моремъ сѣры и пламени, и сольетъ ихъ въ одну непроницаемую, гигантскую массу...

А онъ бѣжалъ и бѣжалъ впередъ, падая въ темнотѣ ночи. Вотъ-вотъ онъ ужъ настигаетъ побѣду, безумнымъ взоромъ онъ уже видитъ послѣдній вагонъ, хочетъ уцѣпиться за него и... дико вскрикнувъ, вдругъ падаетъ на рельсы.

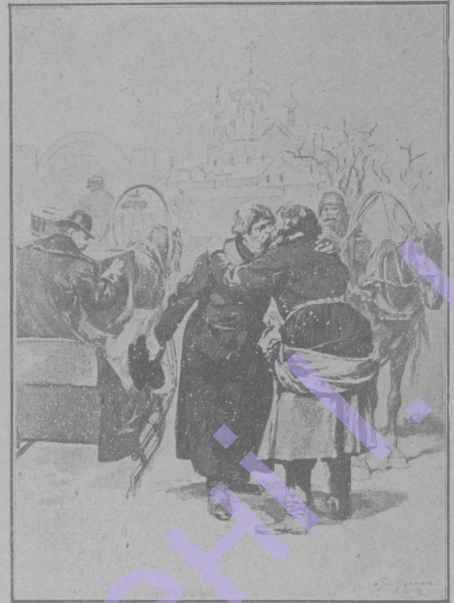
Въ волшебномъ ореолѣ лучей божественно-яркаго сіянія склонилась надъ нимъ могучая, гордая, доселѣ ни предъ кѣмъ еще

не склонявшаяся женщина.

Ореолъ, сотканный изъ солнечныхъ лучей, короной, украшала ее голову, и на него лился ароматъ ея невыразимой святости.

Черезъ два моря она пришла къ нему—два моря преодолѣть надо было для того, чтобы дать ему свою любовь, и она прео-

дого слово было похоже на кружевное облачко, золотящееся въ глубинѣ небесъ подъ солнечными лучами. И оно выросло въ гигантское бирюзовое облачко, простиралось огненной волной отъ края и до края, и вѣжно блѣднѣло, чуждому меркло... угасало.

Христовъ воскресъ!

Въ полдень случилось это. Жали хлѣбъ какъ разъ въ этотъ день.

Женщины, сидя на завалинкахъ около своихъ домовъ, точили касы.

Толпа ребятишекъ, выбѣжавъ за ворота школы, весело кричала каждому прохожему:

Одесса.—Въ пасхальные дни на Куликовомъ полѣ.

ваются снова, путаются, растягиваются на необозримое пространство и несутся все дальше и дальше. Ему чудится, что молніи пронзаютъ его сознаніе, стремятся къ нему и исчезаютъ гдѣ-то высоко за гранью облаковъ.

И надъ всей этой дикой вакханаліей мыслей царятъ двѣ новыя, неизвѣстно когда появившіяся фантазіи—плодъ измученной души;— онѣ несутся въ огневой пляскѣ,

долбля ихъ.

— Любимый!..

Волшебнымъ, безконечно-дивнымъ аккордомъ звучало это слово...

Это слово звучало, какъ вѣжнй всплескъ волны, какъ легкое дыханье золотой арфы. Аккордъ этотъ вознесся въ горнилы высоты, разлился отсюда по всему міру и снова долетѣлъ до земли и растворился въ безбрежной гармоніи сферъ.

— Любимый!..

Это слово звучало, словно дождь жемчужный, дождь, въ которомъ вылилось все небо.

Это слово походило на ласку вѣтраа, вдругъ повѣявшаго среди знойной пустыни.

Это слово подобно было блѣоснѣжному крылу паруса, мелькнувшему, словно серебряная чайка, на чарующей глади волны.

„здравствуйте“. Около кузницы воткнуть въ землю сошникъ. Крестьяне сплать и жгутъ, пока не раздается призывъ къ работѣ. Надъ деревней повисла тяжелая туча и грозитъ смертоносной бурей.

Та бури убила его мать.

... Ему захотѣлось подняться на ноги, встать. Онъ оперся руками о землю... хочеть крикнуть, но силъ не хватаетъ.

Среди офицеровъ.

Среди матросовъ.

На англійскомъ военномъ кораблѣ въ Пасху.

Передъ Пасхой — Потревоженное гнѣздо.

Застонавъ, онъ снова опустился на землю, а въ ухахъ гремѣлъ стонъ изболѣвшаго сердца.

— Да, гдѣ же ты?... гдѣ ты?..

... Безуміе слова овладѣло имъ.

Туча песку пронеслась надъ нимъ, а онъ все кричалъ и кричалъ.

— Да, гдѣ же ты?... гдѣ ты?

Выплылъ серпъ луны. На одномъ изъ роговъ его сидѣлъ сатана, длинный, худой съ уродливымъ лицомъ, похожимъ на козью морду.

Сатана игралъ на скрипкѣ.

И аккорды той музыки, каждая нота ея, были похожи на длинную ноту, къ концу которой привязанъ острый крючокъ.

Аккорды той музыки, каждая нота ея, подходили, казалось, на лесу, которой ловить рыбу. Сатана тотъ хорошо видѣлъ. Каждый крючокъ находилъ свою добычу—однѣ впились въ мозгъ, другіе задѣвлявъ за горло, третій повисла въ грудь.

Всѣ они впились въ его тѣло, рвали его на клочки... Онъ плавалъ въ собственной крови, озабѣвшій отъ муки, ни подняться не могъ..

Онъ былъ кулаками землю, царапалъ ее, извивался, какъ въ судорогъ, а въ ухахъ его, наполнивъ его сердце смертельнымъ ужасомъ, отдавался все тотъ же собственный его стонъ.

— Да, гдѣ же ты? гдѣ ты?

Вдругъ ему показалось, что вся земля превратилась въ одинъ колоссальный органъ.

Медленно лились волшебные аккорды его, таялись къ небу, словно какія-то огромныя колонны... цѣлый лѣсъ колоннъ.

Сверху же давилъ на нихъ мрачный, тяжелый куполъ, такой тяжелый, что онъ не могли его сдержать и готовы были съ грохотомъ рушиться..

Вотъ-вотъ онъ упадутъ на землю!.. вотъ-вотъ осколки мрачнаго купола погребутъ его подъ собою... Еще мгновение... столбы уже рухнули... куполъ падаетъ..

Онъ сдѣлалъ вѣчеловѣческое усилие и вскопчилъ на поги.

Пасхальные пряники.

(Германскій обычай).

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

— Фотографія Вл. Эрманса. —

ОТКРЫТА на уг. Дерибасовской и Ришельевской ул., въ д. Розена.

Всѣмъ заказывающимъ не менѣе дюжины

карточекъ выдается въ видѣ

10 ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ—заказывающимъ дюжи-

ну кабинетныхъ карточекъ. || 5 ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ—заказывающимъ дюжи-

ну визитныхъ карточекъ.

Художественное выполнение большихъ портретовъ.

Желающие сняться специально для портретовъ за снимокъ не платятъ.

15542—1

— Фотографія Вл. Эрманса. —

„Вѣское

Графическое Забеденіе“

УДОСТОВЕР-

ЕНО

Высочайшихъ Наградъ.

КЛИШЕ

на казен. и отд.

Екатеринослав. № 14.

Телефонъ № 201.